

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ

УДК 659.4:81'42, ББК Ш 100.3, ГРНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.19

Е. Л. Дайлоф

Ростов-на-Дону, Россия

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ СИТУАЦИИ РАЗГОВОРА ПРИ НАЛИЧИИ ЭЛИМИНАЦИИ ПРЕДМЕТА РЕЧИ (В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

В статье на примере из экспертной практики демонстрируется экспертный подход к установлению/выявлению признаков предметной ситуации побуждения при наличии элиминации предмета речи в рамках проведения судебной лингвистической экспертизы по делу о незаконном обороте наркотических и сильнодействующих веществ.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; коммуникация; предметная ситуация; элиминация; предмет речи.

Сведения об авторе: Екатерина Леонидовна Дайлоф, старший государственный судебный эксперт ФБУ Южного регионального центра судебной экспертизы Минюста России. 344038, Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 109/2. E-mail: katerina.dail@rambler.ru.

E. L. Dailof

Rostov-on-Don, Russia

ESTABLISHMENT OF THE SUBJECT SITUATION OF A CONVERSATION UPON CONDITION OF ELIMINATION OF THE TOPIC OF SPEECH (IN THE CONTEXT OF FORENSIC EXPERTISE)

Basing on expert case studies the article demonstrates the expert approach to establishing / revealing the features of the subject situation of motivation upon condition of elimination of the topic of speech within the framework of the forensic linguistic expertise in drug and other patent substance trafficking proceedings.

Key words: forensic linguistic expertise; communication; subject situation; elimination; topic of speech.

About the author: Ekaterina Leonidovna Dailof, Senior State Judicial Expert of the FBU of the Southern Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia. Ul. Lenina, 109/2. Rostov-on-Don, 344038. E-mail: katerina.dail@rambler.ru.

Специфика назначения и проведения судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о даче / покушении на дачу взятки, вымогательстве, незаконном обороте наркотических средств заключается в том, что в качестве предмета доказывания выступает речевая деятельность участников преступного события, сопровождающая совершение противозаконных действий, либо сама речевая деятельность как противозаконное деяние. При этом результаты, полученные по итогам исследования, могут представлять собой как непосредственно доказательство самого факта правонарушения (в криминалистике – «главный факт» – состав преступления во всех его элементах или факт отсутствия состава преступления), так и представлять собой «доказательный факт» – то есть факт, из которого в совокупности с другими фактами можно сделать вывод о главном факте.

В данном случае задача лингвистической экспертизы как средства доказывания заключается в получении юридически значимой информации, помогающей установить факт и / или обстоятельств преступного события посредством анализа коммуникативной деятельности его участников. Объектом исследования, как правило, выступает коммуникативное (речевое и невербальное) поведение участников, зафиксированное в аудио-, видеозаписях, полученных в рамках проведения следственными органами оперативных мероприятий.

Одним из ключевых в отношении данной категории дел является вопрос о наличии / отсутствии в речи одного из коммуникантов побуждения другого коммуниканта к совершению каких-либо противозаконных действий. При этом категория побуждения, форм и средств его выражения достаточно хорошо исследована и описана в научной литературе, в связи с чем отсутствует необходимость в ее подробном рассмотрении. В то же время

достаточно часто в экспертной практике возникает ситуация, когда налицо все грамматические признаки побуждения, но возникает трудность в определении того, к чему именно, к каким именно действиям одно лицо побуждает другое.

По сути уже в описательной части постановления о назначении экспертизы изложена информация о преступном событии, его участниках и обстоятельствах, при этом задача лингвиста заключается в восстановлении/реконструкции преступного события исключительно по его отображению в коммуникативной деятельности участников [Доронина 2015]. Для этого, прежде всего, необходимо установить «предметную ситуацию» разговора. Термин «предметная ситуация» не является в лингвистике новым, существует несколько его определений.

1. Предметы и связи между ними, описываемые в высказывании.
2. Отрезок действительности, описываемый в высказывании.
3. Ситуация, которая получает отражение в тексте.

Мы используем данный термин в значении, заимствованном из лингвистической теории перевода: предметная ситуация – отрезок действительности (или псевдодействительности), описываемый в соответствующем высказывании, сообщении [Васильева 2012].

В таком случае «предметная ситуация разговора» является, на наш взгляд, емким понятием, описывающим характер предметно-практической деятельности коммуникантов. При этом необходимо различать предметную ситуацию и коммуникативную ситуацию. В отличие от коммуникативной ситуации, которую в самом общем виде можно определить как совокупность внешних и внутренних условий / обстоятельств общения, предметная ситуация – это «внутреннее», содержательное наполнение речевого произведения, «совокупность объектов и связей между объектами, описываемая в высказывании» [Комиссаров 1990: 541].

Итак, применительно к целям судебно-экспертного исследования в узком понимании «предметная ситуация разговора» – это отраженная в речи

информация о характере предметного-практического взаимодействия коммуникантов. В этом определении следует особо подчеркнуть слово «информация», так как эксперт-лингвист работает именно с информацией о событии или о ситуации предметно-практической деятельности, в рамках которой происходит коммуникация.

В данном случае, определяя характер предметно-практического взаимодействия коммуникантов, мы апеллируем к учению о фатической и актуальной коммуникации. Так, по определению Ирины Николаевны Борисовой, актуальная коммуникация – общение, мотивированное необходимостью разрешения проблемной (практической или интеллектуально-познавательной) ситуации путем коммуникативного взаимодействия субъектов. В таком взаимодействии отчетливо выражен обслуживающий характер речевой деятельности – здесь речь всегда подчинена внеречевой цели и направлена на организацию совместной деятельности людей. То есть цель общения лежит вне общения, но достигается процессом общения: решение предметно-практической или интеллектуальной задачи достигается путем коммуникативного взаимодействия субъектов [Борисова 2009: 54, 62].

Типичные предметные ситуации характеризуются отношением деятеля к действию, предмета к действию, обладателя к обладаемому предмету, предмета к его свойству и т. п. Например, мы можем выделить предметные ситуации «купля-продажа», «передача / получение (чего-л.)», «оказание / получение услуги», «совершение действий в какой-либо сфере деятельности» и др. В [Баранов, Грунченко, Кроз, Ратинова 2013: 55–56] описаны следующие свойства ситуации «купли-продажи»: 1) продавец в обычном случае является владельцем товара или, по крайней мере, имеет разрешение от владельца на продажу, что признается участниками ситуации купли-продажи (Свойство 1), 2) при купле-продаже имеется консенсус между участниками относительно того, что является товаром, то есть стороны (покупатель и продавец) должны быть уверены, что под товаром имеется в

виду одно и то же (Свойство 2), 3) участники ситуации купли-продажи добровольно вступают в роли покупателя и, соответственно, продавца (Свойство 3).

Основные трудности в установлении предметной ситуации возникают при имплицитном способе передачи информации в речи коммуникантов. Одним из таких способов является элиминация, то есть пропуск или сознательное исключение из речи слов и выражений, обладающих информационной значимостью в том или ином контексте. Практика позволяет выделить несколько типов / видов элиминации, которые мы условно обозначили следующим образом:

– «намеренная» элиминация (когда пропуск содержательных элементов обусловлен осведомленностью коммуникантов о табуированности, запретности обсуждаемой темы);

– «естественная» элиминация (когда пропуск содержательных элементов обусловлен наличием у коммуникантов общей исходной информационной базы, исходным минимальным разрывом в знаниях участников разговора);

– сочетание «намеренной» и «естественной» элиминации.

В случае «естественной» элиминации действует универсальный принцип экономии средств словесного выражения. Известно, что «если разговор более или менее продолжительно ведется о каком-то предмете, то этот предмет, как правило, называется говорящим лишь однажды, а затем раскрывается его содержание без повторения названия предмета, которое (название) удерживается в памяти говорящих, и без замены его местоимением» [Сиротинина 2009: 12]. Наличие коммуникативной предыстории, общих фоновых знаний и прямой контакт между собеседниками обуславливают адекватное декодирование обоими коммуникантами прагматического смысла и информационного содержания разговора, отсутствие необходимости в частной конкретизации, уточнении и самой ситуации, и отдельных ее элементов. При этом достаточно часто

непосредственный контакт между собеседниками, тот факт, что ситуация или предметы, о которых идет речь, известны собеседникам, позволяет им использовать мимику и жесты как способ восполнения неточности выражения.

Явление «намеренной» элиминации, а также сочетание «намеренной» и «естественной» элиминации часто наблюдается, когда на экспертизу представляются так называемые «вторичные» разговоры. В таком случае предоставленная на экспертизу запись ОРМ отражает последующий этап речевого взаимодействия, вследствие чего подлежащий исследованию разговор имеет коммуникативную предысторию и, как следствие, обладает смысловой имплицитностью и информационным дефицитом высказываний (в таком случае основное коммуникативное событие и обсуждение интересующей следствия темы остается, как говорится, «за кадром»).

Продемонстрируем на примере из экспертной практики решение промежуточной экспертной задачи по установлению предметной ситуации разговора при наличии элиминации предмета речи.

На разрешение лингвистической экспертизы был поставлен вопрос: *«Имеются ли на представленных аудиозаписях с результатами оперативно-розыскных мероприятий лингвистические и психологические признаки побуждения Петровой к покупке и продаже сильнодействующих веществ <...> со стороны Иванова?»* (по этическим и правовым соображениям фамилии фигурантов дела изменены).

Обстоятельства дела: Иванов – сотрудник наркоконтроля, Петрова – медицинская сестра в онкологическом диспансере. По версии следствия, воспользовавшись близкими отношениями, Иванов спровоцировал Петрову на совершение противозаконных действий, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ. Так, по материалам дела, в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», выступая в роли «закупщика», Иванов приобрел у Петровой по месту ее работы сильнодействующее вещество <...>, а также на следующий день по

месту жительства Петровой приобрел у последней сильнодействующее вещество <...>.

На исследование были представлены 2 звукозаписи общим объемом более 1 часа. Как было указано выше, исследуемое речевое взаимодействие имело со стороны Иванова подготовленный характер, в частности осуществлялось в рамках проведения оперативных мероприятий «проверочная закупка».

Используемый в нашем экспертном центре подход к анализу речевого материала, основанный на разделении фатического и актуального типов коммуникации, дает основание эксперту выделять среди большого массива речи и исследовать только те коммуникативные эпизоды, которые непосредственно связаны с решением экспертных задач. В результате предварительного анализа было установлено, что большая часть представленных на исследование разговоров между фигурантами дела относится к сфере фатической коммуникации, то есть речевому взаимодействию, ориентированному на поддержание контакта / межличностных отношений. Подобная квалификация коммуникативного события опирается на характер тематического репертуара, тип обращения, соотношение личностных и нейтральных / ситуативных тем, как то: погода, эмоциональное, физическое состояние, планы на совместное времяпровождение и т. п. При этом в структуре диалога было выделено 2 коммуникативных эпизода, отражающих актуальную (нефатическую) коммуникацию, которая сопровождает решение предметно-практических задач и характеризует общение, включенное в практическое взаимодействие коммуникантов [Борисова 2009: 54, 62].

Выделение и исследование коммуникативных эпизодов проводилось в соответствии с предметом исследования / экспертной задачей на основании последовательности смены фаз коммуникативного события, смысловой (содержательной, тематической), коммуникативно-синтаксической (тема-

рематической) и структурной (формальной) завершенности речевых отрезков диалога.

Коммуникативный эпизод № 1:

«Иванов: Давай я тебе деньги отдам. Завтра заеду.»

Петрова: (смеется) ... ..

Иванов: Да че ты издеваешься надо мной?

Петрова: Посадят, бл*, ну его на х*

Иванов: А че ты мне мозги тогда еб*?

Петрова: Прикинь, из-за пятьсот рублей меня посадят, бл? А, Леш?
... посадят за пятьсот рублей, а?*

Иванов: Тебе не стыдно, бл*, такую х* нести. Это, у меня уже, смотри, седые, бл*, волосы... Я щас пойду и больше никогда, никогда к тебе не приеду. Мы с тобой разговаривали на эту тему не раз...».

Выделенный коммуникативный эпизод начинается стимулирующей репликой Иванова *«Давай я тебе деньги отдам. Завтра заеду»*, которая характеризуется наличием смыслового пропуска (элиминацией) предмета речи, при этом реактивные реплики Петровой демонстрируют адекватное понимание ею смысла данной реплики Иванова, «успешное» декодирование ею информационного содержания высказывания, что обусловлено общей апперцепционной базой собеседников и наличием коммуникативной предыстории общения на данную тему, см. *«Мы с тобой разговаривали на эту тему не раз...»*.

Так, реплика-стимул *«Давай я тебе деньги отдам. Завтра заеду»* эксплицирует побудительную коммуникативную интенцию Иванова – побуждение Петровой к совершению неких, как следует из контекста, заранее оговоренных действий, предполагающих передачу Ивановым Петровой денежных средств (сочетание частица «давай» + личное местоимение «я» + глагол «отдам» в форме 1 л. ед. ч. будущего времени реализует значение побуждения в форме предложения/просьбы). Реактивные реплики Петровой, в том числе словесно незаполненные (смех), демонстрируют нежелание

Петровой разговаривать на данную тему, эксплицируют ситуацию противозаконности предложения Иванова, в частности реплики *«Прикинь, из-за пятьсот рублей меня посадят, бл*? А, Леш? <...> посадят за пятьсот рублей, а?»* актуализуют отрицательное отношение Петровой к предложению/просьбе Иванова в связи с возможностью реального получения ею тюремного срока при незначительности материальной стороны дела / предмета предложения Иванова в денежном выражении («пятьсот рублей»).

Последующие реплики Иванова, содержащие доводы эмоционального характера, оценку сказанного Петровой как глупости, вздора, угрозу прекращения личного контакта, апелляцию к неоднократности обсуждения данной темы / имеющейся договоренности выступают в роли аргументов убеждения Петровой в ошибочности/напрасности ее опасений, порядочности, искренности намерений Иванова, нежелании причинить Петровой вред/неприятности и, как следствие, в возможности/допустимости выполнения Петровой его предложения без каких-либо негативных для нее последствий. Соответствующие ответные реплики Петровой передают невербальную реакцию – смех.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в коммуникативном эпизоде № 1 в речи Иванова содержится побуждение (в форме предложения) Петровой к совершению неких, как следует из контекста, заранее оговоренных действий, предполагающих передачу Ивановым Петровой денежных средств. Предмет предложения (что именно должна сделать Петрова) в контексте речи опущен / не назван, тем не менее из контекста диалога извлекается информация о том, что предложение Иванова («предметная ситуация разговора») характеризуется следующими признаками: «противозаконность» и «незначительность материальной стороны дела/ предмета предложения в денежном выражении».

Коммуникативный эпизод № 2:

«Иванов: Давай, тему ... закроем, чтоб не возвращаться...»

Петрова: (смеется)

Иванов: Пока там Настя не набежала, ... или че там у нее.

Петрова: Леш, честно, смотри, мне не надо в натуре свидетельницы, я правда, бздю, блин.

Иванов: Смотри. Я ... щас дам деньги.

Петрова: Угу.

Иванов: Завтра подумаешь, если ты не захочешь, бл*, если, блин, боишься, отдашь мне деньги и все, я забуду, и больше мы на эту тему не будем возвращаться. Хорошо?

Петрова: Не, ну я выписала у меня дома лежит.

Иванов: Ну все... На вот тебе деньги...

Петрова: Тут скока? (шорохи)

Иванов: Все, что есть, бл*.

Петрова: Там мало...

Иванов: По одной возьму...

Петрова: По одной не дам...

Иванов: А, ну давай две, ну я тебе завтра еще те... (шорохи)».

Коммуникативный эпизод № 2 начинается стимулирующей репликой Иванова «*Давай, тему ... закроем, шоб не возвращаться...*», инициирующей возвращение к обсуждению темы, начатой в коммуникативном эпизоде № 1, с целью окончательного разрешения вопроса. Реактивная реплика Петровой вербально не заполнена, передает невербальную реакцию – смех. В следующей реплике Иванов активизирует необходимость разрешения вопроса в текущий / ситуативный момент, апеллируя к отсутствию свидетелей/очевидцев (третьего лица, «Настя»). В ответной реплике Петрова выражает понимание, озвучивает согласие с позицией Иванова (необходимость «решить вопрос» без свидетелей) в силу наличия у нее реальных опасений / страха в связи с предметом предложения.

После чего в стимулирующей реплике Иванов предлагает следующее развитие (сценарий) событий: он в текущий момент («сейчас») передает

Петровой денежные средства, Петрова думает / размышляет над его предложением до следующего дня, в случае если не пожелает или будет продолжать испытывать опасения/страх, Петрова возвращает Иванову денежные средства, а он, в свою очередь, обещает больше никогда не обращаться к ней по обсуждаемому поводу: *«Смотри. Я ... щас дам деньги», «Завтра подумаешь, если ты не захочешь, бл*, если, блин, боишься, отдашь мне деньги и все, я забуду и больше мы на эту тему не будем возвращаться. Хорошо?»*. Смысловое содержание данной совокупности реплик эксплицирует побудительную интенцию Иванова – побуждение Петровой к принятию от него денежных средств и выполнению / совершению соответствующих действий в форме описания альтернативной ситуации, оставляющей за адресатом право выбора / свободы в принятии окончательного решения.

В ответной реплике Петрова отклоняет предложенный Ивановым сценарий развития событий в силу того, что уже предприняла необходимые действия («выписала»), и у нее есть в наличии («дома») то, что требуется Иванову. Иванов выражает положительное отношение к данному обстоятельству и предлагает Петровой сейчас на месте решить вопрос, как понимается – рассчитаться (отдать деньги). Подобное понимание обусловлено последующим контекстом, в частности реплика Иванова *«Ну все... На вот тебе деньги»* представляет собой перформативный речевой акт (высказывание, произнесение которого эквивалентно совершаемому в момент речи действию, поступку), в данном случае: «На вот тебе деньги» → «Я отдаю тебе деньги» → «Ты возьми у меня деньги». В ходе развития интеракции Иванов сообщает, что готов (может / хочет) приобрести «товар» в количестве / в размере одной единицы / одной штуки. В данном случае слово «товар» использовано в качестве общего условного обозначения материального объекта (материальных объектов) – вещи, вещества, продукта, препарата и т. п., выступающего предметом купли-продажи. В ответной реплике Петрова эксплицирует нежелание / отказ отдавать (продавать) одну единицу / одну штуку «товара», после чего Иванов выражает согласие

приобрести две единицы / две штуки. Завершение коммуникативного эпизода манифестируется окончанием звукозаписи.

Проведенный анализ показал, что в данном коммуникативном эпизоде отражена предметная ситуация «купля / продажа (передача денежных средств с целью покупки)», которая в контексте исследуемого речевого взаимодействия характеризуется следующими признаками: «конфиденциальность», «наличие у Петровой опасений / страха в связи с возможностью дальнейших негативных правовых последствий», «противозаконный характер».

Предмет покупки как товар (объект купли / продажи) не назван / не имеет вербального наименования в речи. Тем не менее, с учетом контекста извлекается информация, что предмет/предметы, подлежащие передаче со стороны Петровой, имеют отношение к сфере ее профессиональной деятельности, требуют документального письменного оформления или специального предписания на его использование / реализацию, а также имеют штучную форму выпуска / производства.

Таким образом, представленный экспертный подход по установлению предметной ситуации разговора, на наш взгляд, отвечает основной задаче судебно-экспертной деятельности, так как полученные в ходе его использования результаты позволят лицу / органу, назначившему экспертизу, дать правильную правовую оценку речевому материалу. В частности, установленная в результате исследования предметная ситуация разговора (или ее отдельные признаки (компоненты), в случае невозможности полной экспликации) в дальнейшем может быть оценена следствием с позиции юридической квалификации наличия либо отсутствия факта преступного события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Грунченко О. М., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Классификация коммуникативных интенций, выявленных в ходе лингвистических и психолого-лингвистических исследований текстов. М., 2013.

2. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М., 2009.

3. *Васильева Е. А.* К вопросу о предметной ситуации в переводе. Подходы к описанию предметной ситуации. Вестник Московского государственного университета. 2012. № 9 (642). URL: <https://ciberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predmetnoy-situatsii-v-perevode-podhody-k-opisaniyu-predmetnoy-situatsii>.

4. *Доронина С. В.* «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам. Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 245–249.

5. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.

6. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика. М., 2009.

REFERENCES

1. Borisova I. N. Russian spoken dialogue: Structure and dynamics [Russkii razgovornii dialog: struktura i dinamika]. Moscow, 2009.

2. Vasil'eva E. A. To the problem of the subject of the situation in translation. Approaches to the description of the subject of the situation [K voprosy o predmetnoi situatsii v perevode. Podhody k opisaniyu predmetnoi situatsii]. Bulletin of Moscow state University. 2012. № 9 (642). URL: <https://ciberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predmetnoy-situatsii-v-perevode-podhody-k-opisaniyu-predmetnoy-situatsii>

3. Doronina S. V. «Let`s agree, commander! »: the methods of discourse analysis in forensic expertise in anticorruption proceedings [Komandir! Moget, dogovorimsya?»: priemi diskursivnogo analiza v lingvisticheskoi ekspertize po antikorrupsionnim delam]. Political linguistics. 2015. № 3 (53). P. 245–249.

4. Baranov A. N., Grunchenko O. M., Kroz M. V., Ratinova N. A. The classification of communicative intentions identified in the linguistic and psycho-linguistic studies of texts [Klassifikatsiya kommunikativnih intentsii, viyavlennih v hode lingvisticheskikh i psihologolingvisticheskikh issledovaniy tekstov]. Moscow, 2013.

5. Komissarov V. N. Theory of translation (linguistic aspects) [Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekti)]. Moscow, 1990.

6. Colloquial speech in the system of functional styles of modern Russian literary language: Grammar [Razgovornaya rech v sisteme funktsionalnih stiley sovremennogo russkogo literatyrnogo yazika: Grammatika]. Moscow, 2009.